

а когда мое время будет, то с радостию готова. Токмо еще ныне о том оставления прошю“. Егда король слышав сие от дщери своей, прекрасной Ираклии, разгневавшись на нее великим гневом и рече: „Окаянная, тебя просил честию, ты мою прозбу оставляешь. Знатно ты, проклятая, не отеческого рождения и признаваю тебя, проклятую, в бытность в Цесарии свое отечество порудила и заповедь преступила. Буди, проклятая, завтрашнего числа ко браку готова, понеже, не взирая на твои отговорки завтрашнего числа отдам замуж за своего адмирала возлюбленого, за его мне верныя службы и великия услуги“. Сия рек король и пошел от тоя королевны, ис полаты. И королевна великую на себя возложи тягость и печаль сердцу своему, понеже что сие ей неугодно и нача горко плакати и вошла в свою спальную камору и сядяще на своей кровати, непрестанно въздыхая и слезы проливая. || А король флоренский веселяся и рече король адмиралу, л. 29 своему нареченному зятю, чтоб готов был х браку, и адмирал нача убираться в надежде. И как день наста, то адмирал, убравшись со всем принадлежащим, и поехал к кирки, и прислал пажа х королю, чтоб немедленно королевну везли. И король флоренский повеле убирать цуки и берлины и дам довольство и девиц. И прииде король к дочери своей, где она сидит, обрете ея печальну и в лице изменну, и в черном одеянии. Рече ей король: „Королевна, дочь моя, почто ты мои слова отеческия оставила и непослушна? Или вправду ты сие восприяла дурость, что меня не слушаеш, отца своего?“. Також и мать ее, королевнина, пришла. И король, отец ее, и мать, оба рекоша, что оставила свою печаль. Она же ничего не рекла, токмо жестоко пред ними плачет. Тогда король с великим гневом ополчился и велел с ней черное платье сымать и убирать в драгое королевское платье. Она ж не дала с себя снимать и легла на землю || и омертве, что никак не л. 29 об. можно снять. Тогда король бив ее многократно и велел вести в берлин во всем черном платье. Тогда пажи и лакеи, подхватя оную королевну и посадили в берлин. И с нею девиц и дам довольство отпустили до кирки в разных берлинах, а с нею в берлине только три девицы флерины честнаго лица и поехали к кирки и с королевною Ираклиею прекрасною. И как прилучилося королевне ехать принадлежащим путем к кирки в супружество адмиралу мимо той самой близости кельки, где он, российский матрос Василей, пребывал у богаделенной старушки, и как он увидел, что королевну везут, тогда взя ея любезную арфу, в которую она играла, нача на арфе громко играть мановет жалосной, яко и самому унывну от того быты. И королевна Ираклия услышав и велела остановитца и слушала и по том припозналась, что ее возлюбленной, российской матрос Василей, играет, и возрадовалась своим сердцем и послаша девицу. || И как девида отворя двери, он же ей рекл л. 30 скверно, от чего девка побежаша и королевне сказала. Королевна же не утерпя, сама из берлина выскочив, и побежала в келию, и усмотря российского матроза и узнав, кинулась на выю ево и рече: „О возлюбленный мой дражайший и радость сердцу моему, Василей Иванович, брат цесаря великого, ты или мне приведение тобою являетьца?“. И взя его за руку и веде с собою в берлин и рече ко всем пажам и лакеям возвратно ехать во дворец. И оные возвратя поехали во дворец и приехали во дворец. И король флоренский ис палаты выде. Она ж, королевна, из берлина выступя и взя российского матроза за руку и веде в полаты ко отцу рече: „Государь мой батюшко и государыня матушка, ныне моя приде ко мне вся моя радость и вся во мне стала сладость, свой драгии потерянный камень сыскала, тому